

УДК 821.161.1

Ненарокова М.Р.

«СЕЛАМ» Д.П.ОЗНОБИШИНА: КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ ЕВРОПЫ И ВОСТОКА

Аннотация. Язык цветов представляет собой систему символов, при помощи которой можно выражать чувства, например, дружбы, благодарности, любви. Как культурное явление язык цветов сложен, у него много источников – как европейских, так и восточных. На рубеже 18-19 вв. язык цветов был признанным фактом русской культуры. Д.П.Ознобишин, поэт и переводчик, опубликовал книгу под названием «Селам, или Язык цветов». Несмотря на восточный колорит и эпиграф, взятый из книги арабского автора, сам текст словаря не имеет отношения к арабской литературе. В основе его лежит немецкая книжечка «Язык цветов». Оригинал содержит детали, указывающие на его принадлежность к немецкой культуре и возникновение в Германии, которые переводчик заменил реалиями русской культуры.

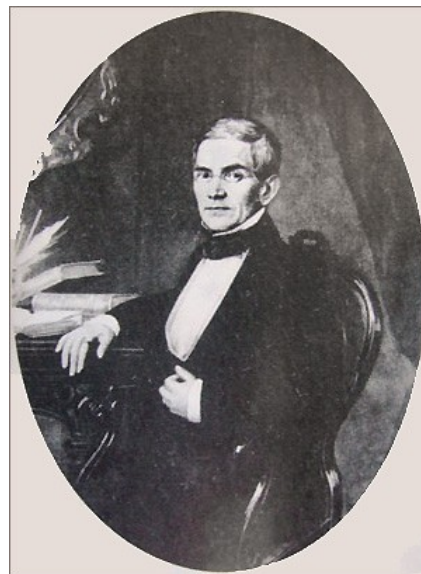
Ключевые слова: язык цветов, цветок-символ, европейская культура, культурное явление, Россия, Германия, Восток, диалог культур, Дмитрий Ознобишин, перевод, словарь.

Язык цветов «относится почти исключительно к области любви и дружбы» [1]. Он представляет собой систему символов, при помощи которой можно выражать чувства «дружбы, благодарности, любви к родителям и детям» [2]. Как культурное явление язык цветов сложен, у него много источников – как европейских, так и восточных. Одна из версий его происхождения основывается на «Турецких письмах» (опубликованы в 1763 г.) леди Мэри Уортли Монтагю, жены британского посла в Турции. Первым, кто связал ее имя и историю происхождения языка цветов, был Генри Филлипс, автор книги «Цветочные символы»: «Леди Мэри Вортли Монтагю отмечала, что в Турции с помощью этих символов [цветов, плодов, пряностей и т.д. – М.Н.] можно ссориться, упрекать или посылать любовные, дружеские, светские письма, даже новости, не пачкая пальцы в чернилах, ибо, как она говорит, нет ни цвета, ни травинки, ни плода, ни цветка, ни пряности, ни

даже перышка, с которым бы не было связано стихотворение» [3]. Позже эта цитата не раз повторялась – прямо или в пересказе – в предисловиях к различным сочинениям о языке цветов.

На рубеже XVIII-XIX вв. язык цветов был признанным фактом русской культуры. Его можно найти и в изобразительном искусстве, и в литературе, особенно в поэзии. Обращениями к языку цветов отмечен весь XIX в., и даже в XX-XXI вв. можно обнаружить, что интерес к нему не пропал.

Дмитрий Петрович Ознобишин (1804 – 1877), поэт и переводчик с нескольких европейских, а также с восточных языков, в 1830 г. опубликовал книгу под названием «Селам, или Язык цветов», «которая по своей структуре, сюжетным признакам и стилю, относится к так называемым «гаремным трагедиям»» [4]. Строго говоря, книга состоит из трех взаимосвязанных частей, и «гаремная трагедия» является всего лишь одной из них. Вступительная статья рассказывает о том, что такое язык цветов и почему для России такое явление мало характерно. Поэма иллюстрирует применение языка цветов на Востоке, что соответствует европейским представлениям об этом культурном явлении. Третьей частью книги стал собственно словарь языка цветов.

Д.П.Ознобишин
Фотография с портрета 1850-х гг.

В эпиграф этого последнего раздела вынесена цитата из книги «Птицы и цветы» средневекового писателя Азз'Эддина Эльмокаддесси. Текст книги Эльмокаддесси публиковался по-арабски и по-французски. Книга состоит из небольших рассказов, в переводе названных аллегориями. Каждый рассказ посвящен одному растению, птице, даже животному, и представляет собой их монолог. Цитата взята из аллегории «Ромашка»; ромашка сравнивает цвет лепестков и серединки своего цветка со стихами Корана: одни стихи светлы, смысл других темен. За монологом ромашки и следует цитата, ставшая эпиграфом:

Обложка немецкого оригинала книги
«Язык цветов, или Значение цветов
в восточной манере»

«Если ты в состоянии понимать символы, поднимись и иди воспользуйся теми, которые тебе предложены: иначе ты спишь, потому что ты не можешь истолковывать природу, которая тебе показывает здесь все свои чары: но должно признать, твое невежество весьма преступно» [5]. При помощи этого эпиграфа автор предупреждает читателя о двух вещах: о том, что отказ учиться понимать природу может рассматриваться как сон разума, и о том, что следующие

страницы книги содержат символы, которые предоставляет человеку природа, и их истолкование.

Несмотря на то, что эпиграф к словарю Ознобишина взят из арабского источника, хотя и переведенного на французский, сам текст словаря к арабской литературе отношения не имеет. Вступительную статью ко всей книге открывает такое сообщение: «Немецкая книжка, напечатанная в 1823 г. в Берлине, была главным источником предлагаемого издания» [6]. Название немецкого оригинала звучит следующим образом: «Язык цветов, или Значение цветов в восточной манере. ...Восьмое расширенное издание» [7]. Из названия, как кажется, следует, что немецкий оригинал претендует на стилизацию под восточный текст, но таковым не является. Одно из более ранних изданий этого текста носит более бесхитрое название: «Аллегиии цветов» [8].

Во всех немецких словарях языка цветов статья представляет собой определяемое существительное или словосочетание и его дефиницию – законченное предложение, раскрывающее значение слова, причем предложение может быть довольно сложным по структуре. Источников такой формы может быть два.

Первый из них – записи игры, забавляясь которой, красавицы в гаремах объяснялись друг с другом, со своими мужьями (или возлюбленными) при помощи композиций из растений [9]. Как уже говорилось выше, об этой игре впервые написала жена британского посла в Турции леди Мэри Уортли Монтагю [10]. Игра состояла в том, что определенным растениям, пряностям, фруктам, жемчугу соответствовали небольшие стихи, выражавшие те или иные чувства, и, передавая друг другу композиции из растений, плодов и т.д., участники игры могли читать зарифмованные послания друг друга. С другой стороны, в европейской, в частности, в немецкой культуре существовали сборники эмблем (XVI – XVIII вв.), объяснения которых записывались в виде законченных предложений или целых стихотворений. Именно поэтому, предположительно, в немецких книгах о языке цветов оказалась принятой сложная по структуре словарная статья.

Материал ознобишинского «Селама» неоднороден. Статьи его посвящены 392 растениям, причем около трети переведено с немецкого достаточно точно. Таковы, например, словарные статьи, посвященные базилику: «Basilicum. Nur durch Annäherung lernst Du mich kennen» – «Базилик. Только вблизи ты узнать меня можешь»; ежевике: «Brombeere. Zürne nicht langer» – «Ежевика. Перестань сердиться»; лилии огнецветной (луковиценосной): «Feuerlilie. So wie die Farben glühen, so glühet mein Herz in unendlicher Liebe fiir Dich» – «Лилия огнецветная. Как горят краски сии, так пылает к тебе любовью мое сердце». Интересен и случай плюща. Его дефиниция, одна из наиболее пространных в словаре, переведена с большой точностью: «Epheu. Ewig halte ich fest was ich einmal erkohren; nicht die Strenge des Nordens, noch des Südens versengende Strahlen ziehen mich von der Erwählten ab» – «Плющ. Навсегда и крепко привязан я к тому, что избрал однажды, ни суровость Севера, ни палящие лучи Юга не отвлекут меня от избранной мною».

По большей части перевод Ознобишина правилен, но нейтрален, хотя есть случаи, когда точность перевода приводит к комическому эффекту. Одним из примеров может послужить

растение «лихнис», или «зорька». Немецкое название лихниса – «Brennende Liebe» – «Пылкая любовь», поскольку лепестки цветков лихниса имеют ярко-красный цвет. Этой «пылкой любви» соответствует и дефиниция: «Fürchte nicht diese Gluth, sie führt zum Glücke» – «Не бойся этого жара, он ведет к счастью» [перевод М.Н.]. Перевод Ознобишина точен, лишь «жар» заменен на «пламя»: «Не страшись этого пламени, оно ведет к счастью». Однако поэт подменяет одно народное название другим, и результат может вызвать лишь улыбку: «пылкая любовь» становится «барской спесью». То же самое произошло и с калужницей, невысоким растением с ярко-желтыми цветками. Научное название этого растения – калужница болотная. Калужница встречается в сырых местах – около рек, ручьев, в болотах, иными словами, в местах обитания змей, отсюда народные названия, которые приводит сам Ознобишин, – «змей-трава», «змеевка». Что касается, немецкого названия этого растения – «Dotterblume», то оно буквально означает «цветок, желтый, как яичный желток» («Dotter» – «желток»). В словаре Павловского приводится еще одно название калужницы – «Kuhblume» [11] – «Коровий цвет», и это же значение зафиксировано в словаре Даля [12], а в Ботаническом словаре 1960 г. появляется упоминание о болоте: калужница называется «Sumpf-dotterblume» [13], буквально «желтый болотный цветок». О змеях речь не идет. Дефиниция калужницы такова: «Du bist zu heftig gewesen» – «Ты был слишком вспыльчив» [пер. МН]. Ознобишин переводит немецкое название народным («змей-трава») и меняет дефиницию: «Поверь мне, милая, я сам то же чувствую». Остается догадываться, какое взаимное чувство можно выразить при помощи «змей-травы».

Как уже говорилось выше, лишь около трети немецкого текста было переведено Ознобишиным без изменений, с остальным материалом он поступал по своему усмотрению. Он мог заменять в дефинициях отдельные слова, но мог менять и сами дефиниции. Так, например, в статье, посвященной первоцвету медвежье ушко, меняется всего одно слово, но с ним меняется и смысл: «Aurikel. Wie oft hat mir dein freundliches Auge gelächelt» – «Медвежье ушко. Как часто улыбались мне твои прелестные глазки!». В словаре Павловского «freundlich» имеет несколько значений: «дружеский, дружелюбный, ласковый, радушный, милый», «приятный, веселый», но синонимы значения «милый» подсказывают, что это определение не внешности, а манер. Ознобишин выбирает прилагательное «прелестный», но в русском языке XIX в., по материалам словаря В.И.Даля, это определение относится именно к внешности: «прелесть» – «красота, краса, баса, пригожество и миловидность, изящество» [14]. Перенос акцента с манер на внешность означает смещение значения из области дружбы в область любви.

Бывают случаи, когда Ознобишин меняет часть дефиниции, упрощая возникающую перед читателем картину. Так, например, перевод статьи «Амариллис» звучит следующим образом: «Schön erscheinst Du meinen Blicken, aber mein Herz bleibt kalt» – «Прекрасной ты предстаешь моему взору, однако мое сердце остается холодным» [пер. МН]. У Ознобишина: «Амарилла. Ты прекрасна, но мое сердце холодно». В переводе остается констатация факта, но теряется намек на продолжительность отношений и попытки дамы привлечь к себе внимание. В статье «Тюльпан» Ознобишин убирает метафору: «Tulpe. Schönheit verblühet» – «Тюльпан. Красота

отцветает» [пер. МН]. У Ознобишина: «Красота проходит». Дефиниция становится нейтральной, менее поэтической. Случай с растением, известным сегодня как коровяк, весьма любопытен. Народное название «коровяк» есть в словаре Даля, и объясняется он как «царский скипетр». В словаре Павловского «Königskerze», которое встречаем в немецком оригинале Ознобишинского «Селама», определяется и как «царский скипетр», и как «царская свеча». В подстрочных сносках своего «Селама» Ознобишин обычно приводит все варианты названия растения, которые ему известны, – на французском, немецком, русском языках, обязательно на латыни. В сноске к статье «Царская свеча» есть только латинское название. Если обратиться к словарю Даля, то окажется, что словом «коровяк» обозначалось не только растение с благородным немецким названием, но и гриб поганка, и, что еще неприятнее, почти также звучит обозначение коровьего помета. Можно предположить, что Ознобишин был вынужден ввести в обиход кальку с немецкого, чтобы избежать ненужных ассоциаций. Немецкий текст звучит следующим образом: «Deine Hand und Dein Herz, und ich spotte jeder königswürde» – «Твоя рука и Твое сердце [мне в награду], и я поставлю ни во что любую корону (т.е. королевский статус)» [пер. МН]. Ознобишин по какой-то причине не повторил игры слов, которая породила дефиницию в этой словарной статье, и внутренняя связь определяемого и определения нарушилась: «Царская свеча. Отдай мне твою руку, отдай мне твое сердце, и ничто в мире не прельстит меня».

Как уже говорилось выше, в турецком языке цветов были приняты значения, записанные в стихотворной форме. Существуют переводы турецких источников на немецкий и французский языки, и переводчики, если могли, стремились сохранить рифму. Например, речь идет о гиацинте: «Sundul – İkimiz bulbul» («Гиацинт – Мы оба соловьи» [пер. МН]), «Nous exhalons en rossignols nos plaintes» («Мы свой плач издаем вместе с соловьем» [пер. МН]), «Süss mir die Klage der Nahtigalen, Soll uns'rer Liebe Schmerz verhallen» («Сладка мне жалоба соловья, стихает сердечная боль моя» [пер. МН]) [15].

В немецком оригинале 18 словарных статей содержат стихотворные тексты – от двух до четырех строк. Например, полустрофа «Lilie (blaue). Vergiss mein auch in der Ferne nicht,/ von wo ich mich zu Dir hinüber träume» – «Лилия африканская. Не забывай меня в чужой стране,/ Откуда я к тебе стремлюсь мечтою» [пер. МН], две зарифмованные строки «Schneeglöckchen. O, dass sie ewig grünend bliebe/, die schone Zeit der jungen Liebe» – «Подснежник. О если б юность длилась вечно, любовь цвела бы бесконечно» [пер. МН], четверостишие: «Heidekraut. Über Wald und Thal/ über Felsen und

На обороте обложки акварелью нарисован букет из анютиных глазок и незабудок, что можно понимать как послание со значением: «Думай обо мне (анютины глазки) – Не забывай меня (незабудки)». Под акварелью написано двустишие, которое является эпиграфом ко всему тексту: «Versteht Du die geheime Bedeutung zu finden/ Wenn Liebe und Schüchternheit Blumen Dir nimen» - «Учись постигать сокровенные смыслы,/ в цветах выражать свои чувства и мысли» [пер.М.Н.].

Höhn,/ wirst erst Dein Liebchen/ Du wiederseh'n – «Вереск. За горою лес,/ За утесами падь,/ Выйдет тебя днесь/ Дева встречать» [пер. МН].

В переводе Ознобишин старался сохранить сам принцип стихотворной статьи, хотя не всегда оставался точный размер и смысл. Так, значение вереска было переведено следующим образом: «За шумной рекою,/ За дальней горою,/ Друг милый, с тобою/ Увижуся я». Удачной во всех отношениях оказалась статья о можжевельнике: «Wachholder. Um Mitternacht heim Steruenschlein,/ werd ich in Deiner Nähe seyn» – «Можжевельник. В полночь, когда звезда блеснет,/ К тебе твой друг тайком придет» («В полночь при свете звезд я буду рядом с тобой» [пер. МН]). С другой стороны, между немецкой и русской версиями стихотворной дефиниции полыни большая разница и в размере и в форме (русская версия является полустрофой, а немецкая двустушием): «Wermuth. Wenn ich schlafe, träume ich von Dir,/ wach' ich, bist nur Du Gedanke mir» – «Полынь. Твой образ, забываясь сном, с последней мыслию сливаю» («В сладких снах мечтаю о тебе,/ Наяву ты стала грезой мне» [пер. МН]).

Интересен случай львиного зева, который выступает под народным названием «жабрей-трава». Немецкое имя даже ритмически совпадает с современным русским: «Löwenmaul» – «Львиный зев». Однако немецкая дефиниция обыгрывает первую часть названия, «Löwe» – «лев»: «Schrecke mich nicht ab» – «Не устрашай меня» [пер. МН]. Вероятно, Ознобишину не показалось уместным такое значение в языке цветов, и он создал свое, обыгрывая вторую часть названия, «Maul» – «рот»: «Ты знаешь темной роци свод; там поцелуй свиданья ждет». Самым удивительным значением снабжена календула. В немецком оригинале текст прозаический: «Ringelblume. Der bescheidenen Dulder erwartet ein glückliches Lohns» – «Скромный страдалец ожидает счастливой награды» [пер. МН], а в свой «Селам» Ознобишин помещает четверостишие из своего же стихотворения «Поцелуй» (1829): «Поцелуй меня, девица,/ Поцелуй меня, душа,/ Роза в щечках загорится,/ Будешь вдвое хороша». Вероятно, это та самая «счастливая награда», обещанная «скромному страдальцу», но предположить это можно, лишь зная и немецкий текст.

Не все растения немецкого оригинала вошли в Ознобишинский «Селам». Переводчик не включил в свой словарь то, что, возможно, не отвечало его представлениям о языке цветов, поскольку могло вызвать неприятные ассоциации. Можно предположить, что не вошли в «Селам» жеруха лесная («Brunnenkresse»), поскольку она ядовита, осина («Espe») из-за поверья, что Иуда, предав Христа и осознав свою вину, повесился на ней, цветная («Blumenmohn») и кормовая («Grünkohl») капуста в силу своей малой поэтичности. Немецкий оригинал отличается тем, что подчас в нем используются разные виды одного и того же растения, например, три вида сирени – сирень белая, лиловая и персидская. Ознобишин оставляет только один вид – лиловую сирень, не указывая, впрочем, ее цвет.

Что касается тех немецких растений, которые не были включены в ознобишинский «Селам», их определения были приписаны части растений, которую добавил переводчик. Иногда логика

переноса дефиниции довольно понятна. Так, например, в немецком «Языке цветов» находим «Papyrus, (Papierblume). Ich lasse mir alles gefallen» – «Я всем доволен [со всем смирился]» [пер. МН]. «Papyrus» переводится как «[растение] папирус», а «Papierblume» имеет значения «сухоцвет, бумажный цвет, бессмертки, соломенный цвет» [16], то есть никак не связан с папирусом-растением. В русском языке своего времени Ознобишин находит растение, имеющее то же название — «бумажный цвет», но ни к папирусу, ни к бумаге оно отношения не имеет. Это василек, называемый, согласно Ознобишину, не только «бумажным», но еще и «лоскутным цветом». Соответственно, «бумажный цвет»-василек получает дефиницию «бумажного цвета»-папируса: «Мне все нравится».

При всей ее распространенности в России рябина, или рябиновая ветвь («Eb[e]reschenzweig»), не вошла в «Селам». В германской мифологии рябина была деревом Тора, бога грома и бури, и отголоски народных поверий нашли свое выражение в ее дефиниции: «Verzage nicht, wenn das Leben stürmt» – «Не унывай, когда жизнь идет [на тебя] грозой» [пер. МН]. В русской культуре таких ассоциаций с рябиной нет, тем не менее, Ознобишин сохранил эту дефиницию и нашел для нее подходящее определяемое слово – папоротник ужовник обыкновенный, имеющий народное название «змеиный язык». Человек видит змеиный язык тогда, когда змея на него нападает, поэтому дефиниция рябины в приложении к ужовнику вполне актуальна: «Не унывай, если жизнь твоя злополучна».

В немецком оригинале встречается три вида герани, но Ознобишин по своему обыкновению из трех растений выбирает одно, причем одна из двух оставшихся дефиниций не используется. Последняя дефиниция относится к лимонной, или душистой, герани («Citronengranium»), запах которой напоминает одновременно запах розы, мяты и лимона: «Fühlst Du nichts für mich?» – «Неужели ты ко мне ничего не испытываешь?» [пер. МН]. Ознобишин переносит ее дефиницию на другое растение – «богородскую траву», которая известна как тимьян, или чабрец, растение, также имеющее сильный, приятный запах: «Уже ли ты ничего ко мне не чувствуешь?».

Ознобишин вводит в свой «Селам» новые растения и создает для них новые дефиниции. Поскольку словарные статьи сопровождаются постраничными сносками, содержащими известные переводчику народные названия, а также названия на иностранных языках, то иногда понять, почему возникла та или иная дефиниция, можно, ориентируясь не на основное название, а на добавочную информацию. Так, случай с «ангельчиком» («Ангелика, дягиль, сныть. Angelica») довольно прост – об ангеле можно сказать: «Все в тебе прекрасно». А почему растение под названием «бедренец» получило дефиницию: «Блажен, кто из чаши жизни пьет только одни радости», можно понять, если знать, что у него есть еще одно название – «чашница». Дивала однолетняя известна под народными названиями «золянка» и «пепелянка», поэтому ее дефиниция соответствует обоим: «Так испепелилось мое сердце». Создание некоторых дефиниций требует и жизненного опыта, и знания ботаники. Так, в дефиниции известной всем «мать-и-мачихи» слились и представления об отношении к детям родной и неродной матерей и в

то же время ощущение от листка растения, одна сторона которого гладкая и холодная, а другая ворсистая и потому кажущаяся теплой: «Чего должен ожидать я, любви или холодности?». Ознобишин не забывает и главный принцип селамов – рифмованные дефиниции. Растение, известное под народным названием «златовлас», сопровождается следующим четверостишием: «Ах, кудри русые твои/ Со мной не расстаются;/ Они, как у самой любви,/ В прелестных кольцах вьются».

«Селам» Ознобишина отличает еще одна черта. Сознывая, что оригинал содержит некоторые детали, указывающие на его принадлежность к немецкой культуре и возникновение в Германии, переводчик добавляет в свой текст словарные статьи, побуждающие читателя думать о России. Например, «Eichenlaub. Deutsches Mädchen, beglücke den Mann, dessen Stirn auch keine Lorbeeren zieren» – «Дубовая ветвь. Русская девушка, осчастливь юношу, хотя на голове его и нет венка лаврового» (в оригинале «немецкая девушка»). Или «Rittersporn. O die deutsche Treue ist nicht mehr» («Рыцарские шпоры. О, немецкой верности больше нет» [пер. МН]) – «Кавалерские шпоры. Есть Русская доблесть; но где Русское постоянство?», где «верность» соотносится с «постоянством», а рыцарские шпоры заменяются на «кавалерские», то есть принадлежащие военному вообще. И контраст невеселого утверждения с прилагательным «кавалерский» становится острее потому, что «кавалер» – «почетное прозвище солдата вообще» [17].

Ознобишинский «Селам» является одним из редких произведений, посвященных языку цветов на русском языке, поскольку в течение долгого времени, практически до конца XIX в., читатели, которых привлекала эта тема, удовлетворялись подобными произведениями в оригинале. Интерес Ознобишина к восточным языкам, мода на Восток в русской литературе, восточная версия возникновения языка цветов счастливо совпали и привели к созданию произведения, которое является скорее не переводом в современном смысле слова, а переработкой немецкого оригинала с учетом особенностей русской культуры 20-30-х гг. XIX в. В пределах одного произведения можно увидеть и точный перевод, и переделки текста, и создание нового текста в соответствии с принципами, заложенными в оригинале. Результатом переводческих и поэтических трудов Ознобишина стал текст по происхождению немецкий, по колориту восточный, но, в общем и целом, принадлежащий русской культуре своего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Leneveux L., Mme.* Les Fleurs Emblematiques ou leur Histoire, leur Symbole, leur langage. – P., 1855. – P. 9.

[2] *Martin A.* Le Langage des Fleurs. – Bruxelles, 1830. – P.11.

[3] *Phillips H.* Floral Emblems. – L., 1825. – P. VIII.

- [4] Гольц Т.М. Дмитрий Петрович Ознобишин [Текст] // Д.П.Ознобишин. Стихотворения. – М., 1992. – С.14.
- [5] Les Oiseux et les Fleurs, allegories morales d’Azz-Eddin Elmocaddessi, publiees en arabe avec une traduction et des notes, par M.Garsin. – P., 1821. – P. 36-37.
- [6] Ознобишин Д.П. Селам, или Язык Цветов. – СПб., 1830. – С.5.
- [7] Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Ein Toilettengeschenk. Achte vehrmerte Auflage. – Berlin, 1823. – 32 p.
- [8] Allegorie der Blumen // Conversationsblatt. Zeitschrift fuer Wissenschaftliche Unterhaltung. – 1819. – № 1, p. 4-6; – № 4. – P. 41-43.
- [9] Seaton B. The Language of Flowers: A History. – L., 1995. – P. 37, 61-64.
- [10] Ibid. P. 62.
- [11] Павловский И.Я. Немецко-русский словарь. – Рига, 1911. – С. 319.
- [12] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. т. 2. – СПб.-М., 1882. – С. 167.
- [13] Ботанический словарь / Сост. Н.Н.Давыдов. – М., 1960. – С. 65.
- [14] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. т.3. – СПб.-М., 1882. – С. 393.
- [15] Der Selam des Orients oder Die Sprache der Blumen. – Berlin, 1841. – P. 87.
- [16] Павловский И.Я. Немецко-русский словарь.... С. 935.
- [17] Даль В.И. Толковый словарь... Т. 2. С. 70.

© Ненарокова М.Р., 2013.

© Ненарокова М.Р., фото.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2013 г.

Ненарокова Мария Равильевна,

доктор филологических наук,

старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва)

e-mail: maria.nenarokova@yandex.ru

UDC 821.161.1

*Nenarokova M.***THE “SELAM” BY DMITRIJ OZNOBISHIN: THE CULTURAL DIALOGUE
BETWEEN EUROPE AND THE EAST**

Abstract. The language of flowers is a system of symbols (flowers) one can use to express various feelings, e. g., those of friendship, gratitude, love etc. As a cultural phenomenon, the language of flowers is complex. It has many sources, both European and Eastern ones. Around the turn of the XVIIIth century the language of flowers was an acknowledged fact of the Russian culture. Dmitrij Oznobishin, a poet and a translator from many languages, published a book, titled “The Selam, or The Language of Flowers” (1830). Though the book seems to be Eastern in character, and one of the epigraphs is taken from an Arabian book, the dictionary of the language of flowers has no relation to the Arabian literature. It is based on the German original “Die Blumensprache”. As the original refers to the German culture, the translator had to introduce the realia of the Russian culture instead.

Key words: language of flowers, flower as a symbol, European culture, cultural phenomenon, Russia, Germany, East, dialogue of cultures, Dmitrij Oznobishin, translation, dictionary

Nenarokova Maria Raviljevna,

Dr. in Philology,

Senior Researcher, A.M.Gorky Institute of World Literature (Moscow),

e-mail: maria.nenarokova@yandex.ru